

И.А.Дымова

“ГУСАР” А.С. ПУШКИНА (к вопросу о генезисе стихотворной новеллы)

В статье оспаривается мнение научных исследователей о принадлежности стихотворения “Гусар” к жанру баллады. Произведение рассматривается в контексте гусарской темы; анализируется структура текста (сюжет, композиция, функция фантастического) и утверждается, что “Гусар” представляет один из ранних опытов стихотворной новеллы.

Стихотворная новелла как лирическое стихотворение с наличием сюжета, нескольких персонажей, наделенных рядом поступков и переживаний, определенными психологическими контурами, с эмпирическими деталями и подробностями¹ активно функционирует в поэзии середины XIX века у таких поэтов, как Н.А. Некрасов, А.П. Полонский, А.Н. Апухтин, М.Л. Михайлов, А.К. Толстой. На наш взгляд, формирование нового жанра стихотворной новеллы происходит на основе балладной традиции, лирических и лиро-эпических жанров предшествующего периода в результате их активного взаимодействия. Механизм этого взаимодействия можно увидеть в поздней лирике Пушкина, в частности, в его стихотворении “Гусар”.

Как известно, стихотворение “Гусар” было написано в 1833 г. В этом же году начата повесть “Капитанская дочка”, закончена последняя глава повести “Дубровский”, написаны поэмы “Анджело” и “Медный всадник”, окончены две сказки “... о рыбаке и рыбке”, “... о мертвой царевне” и “История Пугачева”. Как видим из перечня, “Гусар” создан в контексте прозаических произведений, что, как будет показано дальше, найдет отражение в его поэтике и жанровом содержании.

Сам А.С. Пушкин нигде не обозначает жанр своего произведения. Немногочисленные исследователи этого стихотворения (П. Богатырев, Ю. Тынянов, Б. Виленчик, Л. Кишкин), уделявшие внимание проблеме источников стихотворения, квалифицируют “Гусар” как балладу,² Ю.Н. Тынянов считал его “сугубо сниженной балладой”³ (т.е. бытовой - И.Д.). Такую же жанровую дифиницию предлагает Р.В. Иезуитова,⁴ которая объединяет стихотворение “Гусар” вместе с балладой “Утопленник” и сказкой “Жених”. Наше толкование стихотворения “Гусар”

как новеллы не отрицает наличия элементов баллады и даже сказки, а показывает, что эти жанры явились основой для качественно нового жанра - новеллы. Его специфика становится ясной при рассмотрении стихотворения в контексте эволюции пушкинской поэтики.

Почему возникает гусарская тема в позднем творчестве А.С. Пушкина? Подсказать ответ нам поможет стихотворная надпись “Д.В. Давыдову” (“Тебе, певцу, тебе, герою!!!”), 1836, посвященная Денису Васильевичу Давыдову, прославленному герою Отечественной войны 1812 года и поэту. Это стихотворение, как указано в подзаголовке, Пушкин адресовал ему “при посылке истории пугачевского бунта”.⁵ В нем, помимо признания, что “Пугач” мог бы быть урядником в отряде Денисова, есть ещё и признание чисто литературного свойства: “Наездник смиренного Пегаса, / Носил я старого Парнаса / Из моды вышедший мундир: / Но и по этой службе трудной, / И тут, о мой наездник чудный, / Ты мой отец и командир”, III, 364, - что указывает на следование Пушкина за Денисом Давыдовым в разработке гусарской темы.

Ещё в раннем творчестве (1821 г.) Пушкин посвятил Денису Давыдову стихотворение “Певец - гусар, ты пел биваки...”. В нем и в таких стихотворениях, как “Усы”, “К Юдину”, “К Каверину”, “В.Л. Пушкину”, “Юрьеву” “Пушкин <...> явным образом стилизовал “гусарскую” манеру Давыдова, тщательно воспроизводя и словарь, и общую тональность его лирики”.⁶ Пушкин, как и Давыдов, дает поэтическое описание боя, поэзию битвы, но он же использует сниженную лексику за счет совмещения поэтического и бытового планов. (Ср.: у Давыдова - “Где друзья минувших лет, / Где гусары коренные, / Председатели бесед, / Со-

бутыльники седые?!”⁷ и у Пушкина: “С веселых струн во дни покоя / Походную сдувая пыль, / Ты славил, лиру перестроя, / Любовь и мирную бутыл”⁸, II, 364). Значит можно предположить, что во время написания “Истории Пугачева” у Пушкина возникли ассоциации с гусаром Давыдовым, и поэтому поэт снова обратился к теме своей молодости. Но в 30-е годы гусар выглядит иначе: раньше, хотя темой гусарской поэзии были “пиры и сражения”,⁸ на первый план выдвигалось лирическое переживание, теперь, на наш взгляд, преобладает эпическое начало, о чем говорит прежде всего рассказчик, который выступает как средство объективации. Говорные интонации универсального четырехстопного ямба (с перекрестной рифмовкой) в сочетании с просторечиями и вульгаризмами создают прозаически сниженную, фамильярную интонацию непринужденного рассказа бывалого, выдавшего виды гусара: “- Чтоб я, я сел на кочергу, / Гусар присяжный! Ах ты дура! Иль предался я врагу? / Иль у тебя двойная шкура?”, с. 252. Центростремительно развивающийся сюжет произведения тоже дает повод увидеть в стихотворении “Гусар” эпическое начало.

Стихотворение населено несколькими персонажами. Гусар, он же рассказчик, несомненно, является главным героем. Кроме него описывается бывшая “квартирная” хозяйка “Марусенька”, упоминаются “хлопец”, к которому собственно обращен длинный монолог гусара, и некий жид, венчающийся с лягушкой в “мерзостной игре”.

“Гусар” - сравнительно большое произведение без графического членения на строфы и абзацы. Тематически стихотворение можно разделить на три части. Первая состоит из четырнадцати строк и повествует больше о сегодняшней жизни гусара “на распротклятой квартире”: “Здесь человека берегут, / Как на турецкой перестрелке, / Насилу щей пустых дадут, / А уж не думай о горелке”, III, 249. Монолог служивого гусара прерывается вопросом “хлопца”, проявившего интерес к рассказу: “А чем же? Расскажи, служивый”, с. 249. После чего начинается неторопливый рассказ служивого, составляющий основу второй, самой развернутой, части рассказа, (92 строки), которую мы назовем бытовой. Она включает в себя воспоминание о “Марусеньке”, с которой рассказчик провел счастливое время: “Напьюсь - уложит, - и сама / Опохмелиться приготовит; / Мигну бывало: Эй, кума! - / Кума ни в чем не прекословит. / Кажись, о чем бы горевать? / Живи в довольстве, безобидно! ...”, с. 250.

Бытовая часть повествования сменяется фантастической, в которой сюжет построен на одном экстраординарном случае: “Марусенька” оказалась ведьмой. Гусар, выдавший

виды и не привыкший теряться в трудных ситуациях, решил, ничуть не мешкая, проделать тот же путь через печь, что и хозяйка - ведьма. Этот эпизод помогает нам понять характер героя. Гусар в стихотворении представлен таким же смелым, гордым, бесшабашным и предприимчивым, как и в ранних стихах Пушкина. Только обстоятельства здесь не военные, а бытовые, но все равно требующие скорейшего принятия решения. Образ гусара по-прежнему ярок, он герой не только в битвах, но и в житейском плане: сумел покоришь сердце “чернобровой красотки” и из замкнутого колдовского круга смог выйти победителем.

Природа сверхъестественного, фантастического, ирреального в “Гусаре” связана с тем, что Пушкин, работая над “Историей Пугачева”, интересовался и собирал поэтические народные предания, легенды, сказки. (III, 409 - 456). И в этом смысле фантастика роднит “Гусара” с балладой и сказкой. Однако “Гусар” от них существенно отличается. Несмотря на то, что “в период до возникновения новеллы... сказка, согласно Е.М. Мелетинскому, существует как “предновелла”,⁹ их отождествлять не следует. Мы отводим принадлежность “Гусара” к сказке, опираясь на глубокое, с нашей точки зрения, исследование немецкого ученого Вальтера Кошмала. Если в сказке имеется установка “на веру в правдоподобность необычных событий”,¹⁰ то в “Гусаре”, который мы считаем новеллой, этого нет; новелла также “лишается классического сказочного” исхода - свадьбы”¹¹ и чуда в финале.

Сопоставление “Гусара” с балладой обнаруживает и сходство и различие двух жанров. Если баллада позволяла перейти от “правдоподобия страстей” к “истине” чувств,¹² то в правдоподобие и истину действий, реальность рассказа героя верится с трудом. Кроме того, в балладе нет рассказчика, в “Гусаре” же он - центральная фигура, поскольку обо всем, что происходило, мы узнали именно из его уст. К сказанному можно добавить и разное отношение двух жанров к иронии: балладе она не свойственна,¹³ а в “Гусаре” скрытая ирония присутствует почти во всем рассказе: “- Чтоб я, я сел на кочергу, / Гусар присяжный! Ах ты, дура! / Иль предался я врагу? / Иль у тебя двойная шкура?!”¹⁴, с. 252. Создается впечатление, что всю эту историю лукавый гусар сочиняет на ходу, и, похоже, единственный его слушатель - “хлопец” во все это поверил (возможно, поэтому гусар называет того глупым).

Суммируя все наши наблюдения над текстом, можно сделать вывод: и центростремительный сюжет, и монолог с вкраплением диалогических кусков текста, и рассказ в рассказе с кольцевым обрамлением,¹⁴ - все эти при-

знаки дают основание квалифицировать “Гусара” как стихотворную новеллу,¹⁵ активное формирование которой будет в следующем десятилетии.

Возможно, это жанровое новаторство почувствовал Кюхельбекер, когда в письме к родным из ссылки писал: “... По моему мне-

нию, журналисты с ума сходили, когда было начали нас уверять, будто Пушкин остановился, даже подался назад. В этом “Гусаре” гетевская зрелость таланта...”¹⁶

-
- ¹ Об этом см.: Чумаков Ю.Н. “Сон Татьяны” как стихотворная новелла // Русская новелла: Проблемы теории и истории. СПб., 1993. С. 86.
- ² Об этом см.: Богатырев П. “Гусар” // Очерки по поэтике Пушкина. Берлин: Эпоха, 1923. С. 147 - 195; Виленчик Б.Я. Возможные источники стихотворения Пушкина “Гусар” // Рус. лит., 1984, № 1. С. 210; Кишкин Л.С. К вопросу о знакомстве А.С. Пушкина с культурой и общественной жизнью чехов и словаков. // Уч. зап. института славяноведения. Т. IV. М., 1951. С. 374.
- ³ Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. М., 1969. С. 68.
- ⁴ Иезуитова Р.В. Баллада в эпоху романтизма // Русский романтизм. Л., 1978. С. 283.
- ⁵ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. III. М., 1963. С. 364. Далее текст цитируется по этому изданию с указанием тома и страниц.
- ⁶ Орлов В.Л. Пути и судьбы: Литературные очерки. М.-Л., 1963. С. 100.
- ⁷ Давыдов Д. Стихотворения. Л., 1959. С. 137.
- ⁸ О характере гусара в ранней лирике см.: Скибин С.М. Батальные мотивы в ранней лирике А.С. Пушкина // Два века с Пушкиным: Материалы всероссийской науч.-практич. конф. Ч. 1. Лингвистика. Литературоведение. Оренбург, 1999. С. 159.
- ⁹ Кошмал В. Новелла и сказка: Событие, случай, случайность: (Гумилев, Гиппиус, Набоков, Хармс) // Русская новелла: Проблемы теории и истории. СПб., 1993. С. 235.
- ¹⁰ Там же. С. 237.
- ¹¹ Там же. С. 239.
- ¹² Иезуитова Р.В. Ук. соч. С. 283.
- ¹³ Аргументом в пользу этого тезиса может послужить интерпретация сказки “Жених” Пушкина в интересной работе О.Я. Поволоцкой. Исследовательница, квалифицируя текст как балладу, решительно отклоняет ироническое его прочтение. См.: Поволоцкая О.Я. “Жених”: сюжет, композиция, смысл. // Московский пушкинист. - V. Ежегодный сборник. - М., 1998. С. 6 - 7.
- ¹⁴ Об этом см.: Чумаков Ю.Н. Ук. соч. С. 86.
- ¹⁵ По данным Томаса Шоу в творчестве Пушкина разных лет слово гусар и производное от него “гусарский” употребляется в 24 поэтических строках. См.: Shaw T. Pyshkin. A Concordance to the Poetry volume 1. A.-H. Slavica Publishers, Inc. Columbus, ohio, 1985. P. 225.
- ¹⁶ Кюхельбекер В.К. <Письма из крепостей и ссылки (1829 - 1846)> // Литературное наследство. Т. 59. М., 1954. С. 448.

Статья поступила в редакцию 17.09.99